

Эдуард Лимонов. Шестьдесят лет, тридцать книг, четыре брака, четырнадцать лет строгого режима, затребованных прокурором, четыре года общего режима, присужденных судьей Матросовым, условно-досрочное освобождение после двух лет и трех месяцев заключения. Создатель и вождь Национал-большевистской партии России, насчитывающей около 12 тысяч человек и выросшей со дня лимоновского ареста в полтора раза.

То, что Лимонов вышел на свободу — странный и неожиданный подарок судьбы. Сам он называет это победой гражданского общества, которое, оказывается, все-таки существует в стране. Но по строгому счету наше гражданское общество, даже когда наличествует, легко и чуть брезгливо игнорируется властями. Лимонова отпустили, потому что очень уж позорно развалилось его дело. Потому что суд вынес частное определение в адрес ФСБ, перевиравшей показания «с обвинительным уклоном». Потому что работали адвокат Лимонова Сергей Беляк и его саратовский коллега Андрей Мишин. Потому что никто из фигурантов дела, за ничтожным исключением, не сломался под давлением следствия.

Так что остережемся утверждать, будто у нас гражданское общество победило. Это государство проиграло. И такой результат, если хотите, гораздо более значим.

Мы с фотографом были в небольшой толпе журналистов и набобов, встречавших Лимонова после освобождения у порога исправительного учреждения № 13 города Энгельса, где он пребывал в отряде под тем же тринадцатым номером. Мы разговаривали с ним во время его первого обеда на воле — в ресторане «Мистерия-Буфф», который облюбовал Сергей Беляк. И в московском поезде тоже ехали вместе. Два года не виделись, было о чем поговорить.

Последний тюремный завтрак — стакан чаю

— Вы мне дали когда-то книгу Элиана де Уайльда. Там цитируются слова Шоу: «Оскар вышел из тюрьмы совсем таким же».

— Он просто имел в виду, что Уайльд и в тюрьму попал сложившимся человеком. Он и до того состарился несчастным и не отделил себя от павших. Не тюрьма его изменила — это он пытался изменить тюрьму, писал об условиях там, протестовал что-то...

— А вы сильно изменились?

— Нет, как видите. Ну... стал жестче, суше. Тверже. Постоянная концентрация, готовность ко всему, и без женщин, в конце концов... Но в основном — меня арестовали в 58 лет, какие тут перемены?

— Между «Книгой мертвых», написанной перед арестом, и «Книгой воды», написанной в первые месяцы Лефортово, разница огромная.

— Разница — в интонации. «Книгу воды» писал тот же самый человек, просто на него навалили три бетонных блока, и вот из-под них пиши, кричи...

Я работал в тюрьме каждый день и сейчас благодарен себе за это, потому что в колонии писать бы уже, конечно, не смог. Там не было минуты, когда бы я принадлежал себе. «Красная», супер-красная зона, всем заправляет актив — офицеры старались в жизнь заключенных не вмешиваться и управляли с помощью активистов, как в армии офицеры используют деловину. Это и была такая армия, в это раз сконцентрированная. Страшное количество документации, журналов с записями, где фиксируется весь день заключенного, каждая мелочь. Все записывают за всеми, в том числе за бригадирами, властью которых, кстати, не так уж велика.

Главную власть представляют люди, входящие в секцию поддержания распорядка. Вообще все входит в какие-нибудь секции, как в пионерлагере: кто куда не вписан — тот вообще как бы и не человек. Процентом восьмидесяти экзот охвачены секциями, и я был вписан в так называемый СОК — секция общественных корреспондентов. На работы — на «промку», «промку» — не ходил, потому что вступил в пенсионный возраст. Написал несколько статей — четыре, кажется — для областной тюремной газеты «Резонанс».

Главным образом о том, как

дают: я слышал, будто кто-то пригласили «на промке» гнать брагу — но думаю, что не в этом дело, а скорей в простом желании лишней раз ушмелить. Вот, выпил этого слегка подслащенного чаю, попросился в баню, с наслаждением помылся, песни пел... Не успел домыться — вбегают бригадир с вытаршенными глазами: Лимонов, быстрый! Меня вывели из ворот, а дальше вы знаете.

Вообще тамашная диета — она для многих женщин, сокрушающихся о лишнем весе, была бы полезна. В основном каши. В этой колонии хоть начальство старается, вообще же кормежка в тюрьмах такая, что без пережарки загнешься. А после четырех-пяти лет заключенного уже, как правило, забывают и посылки не шлют. У нас ведь дают сроки немилосердные, фантастические — я видел человека, украшенного козью у сосуда и получившего два года. Дают по тринадцать, по пятнадцать лет, случается, и двадцать пять — вероятно, это скопировано с американской тюремной системы, но там ведь есть и система прощаний. Человек может выйти после двух, трех лет, после полусуеда...

— А у нас до последнего времени даже условно-досрочное освобождение давали тем только, кто уже подполга просидел в колонии. Теперь можно и раньше, но об этом ведь никто не знает. Всеячески борются с тем, чтобы люди подавали на УДО. В колонии нет ни одного экземпляра УК, УПК, люди элементарно не знают своих прав...

— Как я понимаю, вы теперь намерены серьезно бороться за права заключенных?

— Да, так судьба сложилась, что это прибавится к основным требованиям НБП. У нас вообще получилась тюремная, сильная партия, вроде эсеровской. Их тоже постоянно сажали. Думаю, каждый второй наболб хоть раз попадал в милицию, а то и подал судимости. У нас до сих пор продолжают с «цветочным терроризмом» бороться, как с обычным, за бросание яиц дают, как за пальбу... Кстати, эсеры были популярнее большевиков гораздо. И проиграли только потому, что у них не было лидера, равного Ленину.

На нарах читал Ленина

— Вы собирались о Ленине книгу писать...

— Хотел, я уже сказал о нем в «Священных монстрах». Но вообще мне когда-то такую книгу заказывали, и это могло быть интересно. Может быть, когда-нибудь... Во всяком случае, в тюрьме я его читал, в особенности письма, сорок девятый том. Меня всегда привлекала его загадка, тайна необыкновенно популярной и влиятельной личности: видно же из его ранних писем, после Шушенского, что он себя вождем русской революции не видел. У него была более скромная амбиция — уехать за границу и стать вторым Марксом, возглавлять международное движение, теоретизировать... Роль его в революции пятого года была более чем скромна. Единственное чудо он совершил в семнадцатом, когда вернулся и за пять месяцев сделал главную силу из партии, бывшей по численности на сорок втором, что ли, месте... Все о нем объясняет его фотография, из самых ранних, на которой — вся семья Ульяновых: длинный Саша с лицом провинциального мечтателя и рядом роскошный такой бутуз Володя с видом заправского мещанина. Он и был великолепнейший менеджер прежде всего. Когда у нас о нем пишут с издевкой, всеячески принижая масштаб этой личности, совершенно уникальной для России, — это страшное небрежение к своему богатству: у нас ведь действительно два основных исторических типа — или совершенный рожля, вообще ни к какой деятельности не способный, или грандиозный крошечный, строитель государственного монстра.

— Типа Иванова?

— И Иосифа. И Петра. Говорят, Путин любит Петра. Имело бы смысл в порядке оппозиции поднять на знамя Карла Двенадцатого. А что, грандиозный авантюрист, блестящий вояка... Когда Путин говорит патриотизму «да», имеет смысл сказать «нет»... Впрочем, не в Путине дело. Мы вплотную подошли к монархии, только трона еще нет. Красное знамя, на нем орел, теперь уже в короне... Я бы не удивился, если бы во время трехсотлетия Путина коронова-

— Что слышу я! Вы больше не державник. Вы, надо полагать, пересмотрели отношение свое и к советской империи, и к великой эпохе...

— Оно подверглось некоторой ревизии, но еще до тюрьмы. В сторону меньшей идеализации. Советская эпоха была временем, когда рядовый представитель рабочего класса мог выжить на свои восьмидесять рублей, потягивая после работы свое пиво, обновляя время от времени тренировочные штаны и заставляя перед своим черно-белым телевизором. Это не повод смеяться над Лениным проектом: в Париже толпы замирают перед гробницей Наполеона — из карельского, между прочим, мрамора, — да что такое Наполеон перед Лениным?! Этому семидесяти лет подражало все международное движение, его страна столько простояла... Другое дело, что он не сумел сломать российскую

САМУРАИ на свободе

традицию — не хочу обижать Азию, но азиатскую. Не довел до конца культурную революцию. Все вернулось к прежнему всевластному государственному монстру, а ведь Ленин ненавидел государство.

— Чужое. Любое. Эта ненависть кричит из любой строчки «Государства и революции».

— Что ж тогда, надо, как

Мао, регулярно перетряхивать власть?

— То есть лозунг «Сталин, Берия, ГУЛАГ» больше актуален?

— Нет, конечно. Он давно неактуален. Власть постоянно меняет свои лозунги — и мы меняем свои. Просто боимся мы все время за одно и то же — за свободу. Потому что ничего нет лучше свободы.

— А Россия при коммунистах, при Ельцине, при Пути-

не была одинаково несвободной, не могла выбраться из своей традиции, ни одного преобразования не довела до конца, не пустила к власти молодых... В 1993 году, наверное, был шанс, но тогда не было лидера настоящего. Государство начало рушиться, рубить ему голову — во всяком случае, пока это государство типа пирамиды, как у нас. Когда на вершине находится один-единственный человек, неважно, Путин или кто... Я не думаю, что государство — такое, как Россия — может управляться одним человеком вообще. Все о нем объясняет его фотография, из самых ранних, на которой — вся семья Ульяновых: длинный Саша с лицом провинциального мечтателя и рядом роскошный такой бутуз Володя с видом заправского мещанина. Он и был великолепнейший менеджер прежде всего. Когда у нас о нем пишут с издевкой, всеячески принижая масштаб этой личности, совершенно уникальной для России, — это страшное небрежение к своему богатству: у нас ведь действительно два основных исторических типа — или совершенный рожля, вообще ни к какой деятельности не способный, или грандиозный крошечный, строитель государственного монстра.

— Что же остается? Государство западного типа вас не устраивает, имперская пирамида — тоже...

— Демократия афинского типа, античность — тогда все еще было правильно. За кого положить камень, тот и правит два года. Это может быть любой афинянин, о котором известно, что он не сумасшедший и не преступник. Да, эта демократия иногда изгоняла величайших людей: решали, что Алкивиад для них вреден, сильный, талантливый человек... И изгнали. Но это было общее решение, шесть тысяч человек так проголосовали.

— Бункер НБП. Потому что дома, да, давно нет, — мне там один парень даже сказал, что из меня получится идеальный вор в законе. Никогда нигде не работал на государство, семьи нет, дома нет — из таких отшельников, фанатиков и получают настоящие воров. Парень был страшно интересный, почти святой, такой Слава, двадцать восемь лет. Даже не культурист, а анархист: каждое суежилие, каждая связка проступают рельефно, он все время качался, стоял в каких-то фантастических застывших позах у стены, делал сложнейшую гимнастику, не пил ни чая, ни кофе — только кипяченую воду... Очень правильный человек, живущий по строго соблюдаемому собственному закону. Это был его шестой, что ли, арест, и всякий раз его отпускали в суд: он не успевал доказать, что он превысил пределы самообороны или вообще в чем-то виноват... Я многих интересных людей там встретил.

— Синяевский — его вдова Мария Розанова специально прилетела в Москву, чтобы встретиться с вами — тоже говорил: как здесь интересно! Попал в русскую сказку...

— Да, это точно. Там много фольклорных персонажей — не каких-то трехметровых убиц, злодеев, а именно сказочных людей, хитрых,

себя — все, она есть, а дальше люди за нее голосуют. И что это за пять процентов, при которых в Думу может пройти только чиновничество это, якобы центристское, на лица которого смотреть страшно?

— Вы пошли бы к Путину в советники, если бы он вас пригласил?

— Это невозможная ситуация. И он не пригласит, и я не пойду.

— А в Думу пойдете?

— Нет, это значило бы неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Я все хотел спросить: неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Если тебя не сломают на след-

— Опыт показывает, что сильное государство никогда не могло удержаться на этой грани. Всегда начинался террор.

— Что же остается? Государство западного типа вас не устраивает, имперская пирамида — тоже...

— Демократия афинского типа, античность — тогда все еще было правильно. За кого положить камень, тот и правит два года. Это может быть любой афинянин, о котором известно, что он не сумасшедший и не преступник. Да, эта демократия иногда изгоняла величайших людей: решали, что Алкивиад для них вреден, сильный, талантливый человек... И изгнали. Но это было общее решение, шесть тысяч человек так проголосовали.

— Бункер НБП. Потому что дома, да, давно нет, — мне там один парень даже сказал, что из меня получится идеальный вор в законе. Никогда нигде не работал на государство, семьи нет, дома нет — из таких отшельников, фанатиков и получают настоящие воров. Парень был страшно интересный, почти святой, такой Слава, двадцать восемь лет. Даже не культурист, а анархист: каждое суежилие, каждая связка проступают рельефно, он все время качался, стоял в каких-то фантастических застывших позах у стены, делал сложнейшую гимнастику, не пил ни чая, ни кофе — только кипяченую воду... Очень правильный человек, живущий по строго соблюдаемому собственному закону. Это был его шестой, что ли, арест, и всякий раз его отпускали в суд: он не успевал доказать, что он превысил пределы самообороны или вообще в чем-то виноват... Я многих интересных людей там встретил.

— Синяевский — его вдова Мария Розанова специально прилетела в Москву, чтобы встретиться с вами — тоже говорил: как здесь интересно! Попал в русскую сказку...

— Да, это точно. Там много фольклорных персонажей — не каких-то трехметровых убиц, злодеев, а именно сказочных людей, хитрых,

себя — все, она есть, а дальше люди за нее голосуют. И что это за пять процентов, при которых в Думу может пройти только чиновничество это, якобы центристское, на лица которого смотреть страшно?

— Вы пошли бы к Путину в советники, если бы он вас пригласил?

— Это невозможная ситуация. И он не пригласит, и я не пойду.

— А в Думу пойдете?

— Нет, это значило бы неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Я все хотел спросить: неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Если тебя не сломают на след-

— Опыт показывает, что сильное государство никогда не могло удержаться на этой грани. Всегда начинался террор.

— Что же остается? Государство западного типа вас не устраивает, имперская пирамида — тоже...

— Демократия афинского типа, античность — тогда все еще было правильно. За кого положить камень, тот и правит два года. Это может быть любой афинянин, о котором известно, что он не сумасшедший и не преступник. Да, эта демократия иногда изгоняла величайших людей: решали, что Алкивиад для них вреден, сильный, талантливый человек... И изгнали. Но это было общее решение, шесть тысяч человек так проголосовали.

— Бункер НБП. Потому что дома, да, давно нет, — мне там один парень даже сказал, что из меня получится идеальный вор в законе. Никогда нигде не работал на государство, семьи нет, дома нет — из таких отшельников, фанатиков и получают настоящие воров. Парень был страшно интересный, почти святой, такой Слава, двадцать восемь лет. Даже не культурист, а анархист: каждое суежилие, каждая связка проступают рельефно, он все время качался, стоял в каких-то фантастических застывших позах у стены, делал сложнейшую гимнастику, не пил ни чая, ни кофе — только кипяченую воду... Очень правильный человек, живущий по строго соблюдаемому собственному закону. Это был его шестой, что ли, арест, и всякий раз его отпускали в суд: он не успевал доказать, что он превысил пределы самообороны или вообще в чем-то виноват... Я многих интересных людей там встретил.

— Синяевский — его вдова Мария Розанова специально прилетела в Москву, чтобы встретиться с вами — тоже говорил: как здесь интересно! Попал в русскую сказку...

— Да, это точно. Там много фольклорных персонажей — не каких-то трехметровых убиц, злодеев, а именно сказочных людей, хитрых,

вешущихся... Удивительные были парни с рабочих окраин. Были убийцы, организаторы преступных групп — люди крупные, трагические.

— То есть в борьбе государства с ними вы не на стороне государства?

— Да при чем тут... Они жестоки, да, как государство. Но его ведь, государство, никто не трогает, не доводит — оно жестоко само по себе. А я видел людей, доведенных до точки. Если не будут убивать — умрут. И убивают они не простых людей, как это государство, а себе подобных. Все их жертвы — из того же бандитского мира. То есть жестокости бессмысленной, направленной на то, чтобы просто давить, — у них нет. Они обычные страдающие люди. В обществе внедряется представление о них как о не-людях, выродках — нет. И вообще в России заключенный до сих пор рассматривается как виновный, а ведь большинство людей, которых я там видел, сидели ни за что. Нет даже меловой черты, которая отделила бы тюремный мир от свободного. Надо просто помнить, что там может оказаться любой и будет пытать, как один полковник, которого я видел, — ему ноги ставили в таз с водой и пускали через воду ток... «Я не хотел бы еще раз это пережить», — рассказывал он и смеялся: люди вообще чаще всего о перенесенных пытках рассказывают смеясь. И один, которому ток подключили к наручникам — тоже смеялся, когда показывал шрамы. Надо помнить, что это есть, и знать, что через это надо пройти и не сломаться.

— Я все хотел спросить: неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Если тебя не сломают на след-

— Опыт показывает, что сильное государство никогда не могло удержаться на этой грани. Всегда начинался террор.

— Что же остается? Государство западного типа вас не устраивает, имперская пирамида — тоже...

— Демократия афинского типа, античность — тогда все еще было правильно. За кого положить камень, тот и правит два года. Это может быть любой афинянин, о котором известно, что он не сумасшедший и не преступник. Да, эта демократия иногда изгоняла величайших людей: решали, что Алкивиад для них вреден, сильный, талантливый человек... И изгнали. Но это было общее решение, шесть тысяч человек так проголосовали.

— Бункер НБП. Потому что дома, да, давно нет, — мне там один парень даже сказал, что из меня получится идеальный вор в законе. Никогда нигде не работал на государство, семьи нет, дома нет — из таких отшельников, фанатиков и получают настоящие воров. Парень был страшно интересный, почти святой, такой Слава, двадцать восемь лет. Даже не культурист, а анархист: каждое суежилие, каждая связка проступают рельефно, он все время качался, стоял в каких-то фантастических застывших позах у стены, делал сложнейшую гимнастику, не пил ни чая, ни кофе — только кипяченую воду... Очень правильный человек, живущий по строго соблюдаемому собственному закону. Это был его шестой, что ли, арест, и всякий раз его отпускали в суд: он не успевал доказать, что он превысил пределы самообороны или вообще в чем-то виноват... Я многих интересных людей там встретил.

— Синяевский — его вдова Мария Розанова специально прилетела в Москву, чтобы встретиться с вами — тоже говорил: как здесь интересно! Попал в русскую сказку...

— Да, это точно. Там много фольклорных персонажей — не каких-то трехметровых убиц, злодеев, а именно сказочных людей, хитрых,

себя — все, она есть, а дальше люди за нее голосуют. И что это за пять процентов, при которых в Думу может пройти только чиновничество это, якобы центристское, на лица которого смотреть страшно?

— Вы пошли бы к Путину в советники, если бы он вас пригласил?

— Это невозможная ситуация. И он не пригласит, и я не пойду.

— А в Думу пойдете?

— Нет, это значило бы неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Я все хотел спросить: неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Если тебя не сломают на след-

— Опыт показывает, что сильное государство никогда не могло удержаться на этой грани. Всегда начинался террор.

— Что же остается? Государство западного типа вас не устраивает, имперская пирамида — тоже...

— Демократия афинского типа, античность — тогда все еще было правильно. За кого положить камень, тот и правит два года. Это может быть любой афинянин, о котором известно, что он не сумасшедший и не преступник. Да, эта демократия иногда изгоняла величайших людей: решали, что Алкивиад для них вреден, сильный, талантливый человек... И изгнали. Но это было общее решение, шесть тысяч человек так проголосовали.

— Бункер НБП. Потому что дома, да, давно нет, — мне там один парень даже сказал, что из меня получится идеальный вор в законе. Никогда нигде не работал на государство, семьи нет, дома нет — из таких отшельников, фанатиков и получают настоящие воров. Парень был страшно интересный, почти святой, такой Слава, двадцать восемь лет. Даже не культурист, а анархист: каждое суежилие, каждая связка проступают рельефно, он все время качался, стоял в каких-то фантастических застывших позах у стены, делал сложнейшую гимнастику, не пил ни чая, ни кофе — только кипяченую воду... Очень правильный человек, живущий по строго соблюдаемому собственному закону. Это был его шестой, что ли, арест, и всякий раз его отпускали в суд: он не успевал доказать, что он превысил пределы самообороны или вообще в чем-то виноват... Я многих интересных людей там встретил.

— Синяевский — его вдова Мария Розанова специально прилетела в Москву, чтобы встретиться с вами — тоже говорил: как здесь интересно! Попал в русскую сказку...

— Да, это точно. Там много фольклорных персонажей — не каких-то трехметровых убиц, злодеев, а именно сказочных людей, хитрых,

себя — все, она есть, а дальше люди за нее голосуют. И что это за пять процентов, при которых в Думу может пройти только чиновничество это, якобы центристское, на лица которого смотреть страшно?

— Вы пошли бы к Путину в советники, если бы он вас пригласил?

— Это невозможная ситуация. И он не пригласит, и я не пойду.

— А в Думу пойдете?

— Нет, это значило бы неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Я все хотел спросить: неправильно распорядиться моральным авторитетом, который у меня после тюрьмы, я думаю, есть. Какой смысл быть там аппаратом для голосования или клоуном, сдвужающимся вне Думы, как сморщенный шар? Партия на выборы пойдут, а лично я в депутаты не собираюсь.

— Если тебя не сломают на след-

— Опыт показывает, что сильное государство никогда не могло удержаться на этой грани. Всегда начинался террор.

— Что же остается? Государство западного типа вас не устраивает, имперская пирамида — тоже...

— Демократия афинского типа, античность — тогда все еще было правильно. За кого положить камень, тот и правит два года. Это может быть любой афинянин, о котором известно, что он не сумасшедший и не преступник. Да, эта демократия иногда изгоняла величайших людей: решали, что Алкивиад для них вреден, сильный, талантливый человек... И изгнали. Но это было общее решение, шесть тысяч человек так проголосовали.

— Бункер НБП. Потому что дома, да, давно нет, — мне там один парень даже сказал, что из меня получится идеальный вор в законе. Никогда нигде не работал на государство, семьи нет, дома нет — из таких отшельников, фанатиков и получают настоящие воров. Парень был страшно интересный, почти святой, такой Слава, двадцать восемь лет. Даже не культурист, а анархист: каждое суежилие, каждая связка проступают рельефно, он все время качался, стоял в каких-то фантастических застывших позах у стены, делал сложнейшую гимнастику, не пил ни чая, ни кофе — только кипяченую воду... Очень правильный человек, живущий по строго соблюдаемому собственному закону. Это был его шестой, что ли, арест, и всякий раз его отпускали в суд: он не успевал доказать, что он превысил пределы самообороны или вообще в чем-то виноват... Я многих интересных людей там встретил.

— Синяевский — его вдова Мария Розанова специально прилетела в Москву, чтобы встретиться с вами — тоже говорил: как здесь интересно! Попал в русскую сказку...

— Да, это точно. Там много фольклорных персонажей — не каких-то трехметровых убиц, злодеев, а именно сказочных людей, хитрых,

визору сказали. Я сначала не почувствовал ничего — спустился и думал: как же это я ничего не чувствую? Внизу стояли люди, тоже дожидались отправки в суд — кто-то ко мне подошел, сказал: держись, мужик... Спасибо моим здоровым предкам — у меня крепкие нервы, и когда я тридцать первого января узнал, сколько запрашивает прокурор, — я тоже вечером выпил чаю и храпел спокойно. В камере удивлялись. А я только решил для себя: ну что ж, они просят четырнадцать, значит, придется выжить.

А с Наташей... потом только, постепенно, стало доходить. Я терял людей, у меня целая книга своих мертвых, — но никогда таких близких. И я еду сейчас в Москву — и думаю: а Наташка нет, вообще нет. А что есть? Химические элементы. И даже их нет, потому что осталось только прах: прах — все спеклось, сплавилось, все уже не она. А где она?

— Где-нибудь есть.

— Если и есть, то в книжках, в записках, может, в моих книжках тоже. Больше нигде. Я думаю, она умерла, потому что все у нее в последнее время было трудно, и мой приговор, наверное, добавил ей грусти. Она ведь умерла с мыслью, что прокурор просит четырнадцать, так и не узнала, что статья о терроризме вообще снята... Но она трагическая была личность, с самого начала. В первые два года жизни с ней — так и помню этот ее голос, низкий, мычащий, — она все говорила: «Какой ужас!» По любому поводу. Алеша Димитриевич, цыган, с которым она пела в ресторане, сказал: «Наташка, тебя ничто и никогда не удовлетворит».

— Как же вы можете поверить, что человек исчезает до такой степени бесследно? Вы же не атенст, уж никак...

— Нет, я верю, что существует мир невидимых каких-то вещей. Иногда с ними входил в контакт. Так я в шестьдесят восьмом, ни разу не бывав в Саратове, написал стихотворение «Саратов»: «И сильный бы в Саратове замучен и после смерти тщательно изучен...». Иногда я какие-то штуки предвижу, что-то понимаю... И самое лучшее чувство — это когда знаешь, что угадал. Что тебя поддерживают, одобряют, может быть.

— Кстати, у вас в книге «Другая Россия» прямо-таки проповедь промискуитета...

— Я знал, Дима, что вы главным образом обратите внимание именно на это.

— Честное слово, нет!

— Циник вы, Дима.

— Да я вполне разделяю многие ваши убеждения, я, если хотите, сам иногда мечтаю схватиться за пулемет...

— Я вам верю, я вас даже могу представить за пулеметом. Вы там будете лежать с девкой и скорее всего с колбасой, которую сейчас едите с таким удовольствием. Вы и тогда ее будете есть с удовольствием, это я уважаю.

— Но насчет промискуитета: вам не кажется, что человек, который много и с удовольствием трахается, — он как-то больше готов к смерти? Настоящая любовь, такая, на грани взаимного убийства, с истериками, с ликов... блей — она вытаскивает из вас что-то такое... делает вас немного самураем, всегда готовым погибнуть.

— Конечно. Я всегда это знал. Она только за этим и нужна.

Беседовал Дмитрий Быков. Фото Максима Бурлака.

